ПРИЛОЖЕНИЕ

VELLEIUS PATERCULUS

HISTORIA ROMANA

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Перевод с латинского *М. Ф. Дашковой и А. И. Немировского**

Комментарии *А. И. Немировского*

КНИГА ВТОРАЯ

LXXXII. В то время как Цезарь воевал с таким успехом в Сицилии, Фортуна на стороне Цезаря и государства воевала на Востоке [253]. Ведь Антоний с тринадцатью легионами двинулся в Армению, а затем в Мидию, направляясь через эти земли на парфян, навстречу их царю. (2) Сначала он потерял два легиона вместе с обозом, осадными орудиями и легатом Статианом [254], при этом с великой опасностью для войска он часто попадал в такое критическое положение, что терял надежду на спасение, и когда он лишился не менее чем четверти воинов, его спас советом и верностью некий пленник (однако римлянин родом). Этот человек попал в плен во время поражения войска Красса, но с изменением его положения не изменился его дух: он пробрался ночью к римскому караулу и предупредил, чтобы вместо намеченного пути римляне пробирались лесом. (3) Это оказалось спасением для Антония и стольких легионов. Однако, как мы сказали выше, была потеряна четвертая часть воинов, третья часть обозных служите-

---

* Главы LXXXII—LXXXIV, CXIII переведены М. Ф. Дашковой, главы LXXXII, LXXXV—CXII переведены А. И. Немировским.

[253] Испорченная фраза. В «*A*» quo aestate tam prospere... Libium, Bn Fortuna in republicam militavit in orientem. Большинство издателей со времени Эллиса заменяет Libium на bellum и Bn понимает как сокращение bene.

[254] Статиан вместе с десятью тысячами легионеров, обозом и осадными орудиями был окружен парфянской конницей (*Plut.*, Ant. 38).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

лей, а от обозов едва ли что осталось. Но поскольку Антоний ушел живым, он назвал свое бегство победой. Вернувшись через два года в Армению, он хитростью захватил царя Артавазда, но, чтобы не лишать его почестей, заковал в золото [255].

(4) Между тем с ростом его страсти к Клеопатре и его пороков, которые всегда усиливаются при наличии неограниченных возможностей произвола, лести, возвеличивания, он принял решение начать войну с родиной. А до этого приказал называть себя новым Отцом Либером и разъезжал на колеснице по Александрии, подобно Отцу Либеру обвитый плющом, в золотой короне, с тирсом в руках, обутый в котурны.

LXXXIII. Во время подготовки к этой войне к Цезарю перебежал Планк, не в результате правильного выбора, не из-за любви к Риму или Цезарю — с ними он постоянно боролся, но словно бы по болезненному влечению к предательству. Он был то самым низким льстецом царицы и прислужником ниже ее рабов, то переписчиком у Антония, то его вдохновителем и подручным в непристойнейших делах, (2) продажным во всем и по отношению ко всем. Во время пиров он изображал Главка [256]: красился в синий цвет, обнажался, увенчивал голову тростником, волочил хвост и прыгал на коленях. Когда Антоний к нему охладел, уличив его в откровенном грабеже, он перебежал к Цезарю и уже впоследствии объяснил милость победителя своим мужеством, уверяя, будто Цезарь одобрил то, что на самом деле простил. Вскоре примеру дяди последовал Титий [257]. (3) Когда новый перебежчик Планк через некоторое время стал за глаза обвинять в сенате Антония во многих нечестных делах, тесть П. Силия Копоний [258], самый влиятельный из бывших преторов, удачно заметил: «Много же, клянусь Геркулесом, натворил Антоний до того, как ты его покинул!».

LXXXIV. Затем в консульство Цезаря и Мессалы Корвина война завершилась при Акции. Но победа цезарианцев была предуготована задолго до решительного сражения: на их стороне воины и полководец были полны сил, на другой — все обессилено, здесь гребцы надежные, там — ослабленные лишениями, здесь корабли умеренных размеров, не мешающих скорости, там — ужасающего вида. Оттуда ежедневно кто-нибудь перебегал к Цезарю, к Антонию — никто. (2) Царь Аминта [259] устремился к большей пользе и выгоде, верный своему обыкновению Деиллий [260] переметнулся от Антония к Цезарю, подобно тому как от Долабеллы [к Кассию, а от Кассия к Антонию]. Всем известный Гн. Домиций [261], единственный человек из окружения Антония, обращавшийся к царице только по имени, с великим риском перешел к Цезарю. И, наконец, на виду у флота Антония М. Агриппа завоевал Левкадию, захватил Петры, взял Коринф. Вражеский флот был дважды побежден еще до того, как произошло последнее сражение.

LXXXV. Наконец, наступил величайший решительный день, когда Цезарь и Антоний, выставив корабли, сражались, один — ради спасения мира, другой — ради его погибели [262]. (2) Правый фланг цезарианского флота был поручен М. Лурию [263],

---

[255] Царь Армении Артавазд привел на помощь Антонию шесть тысяч пехотинцев и семь тысяч всадников (*Plut.*, Ant. 37—38), но в ходе кампании, считая дело Антония проигранным, отвел свое войско. Считая Артавазда виновником своих неудач, Антоний захватил его и провел в триумфе по Александрии, после чего тот был казнен Клеопатрой.

[256] В греческой мифологии Главк — мудрый морской демон: см. *Apoll. Rhod.*, I, 13, 10; *Paus.*, IX, 22, 6.

[257] М. Титий, консул-суффект 31 г. до н. э., перебежавший к Октавиану в 32 г. до н. э. и сообщивший ему, так же как Т. Мунаций Планк, содержание завещания Антония (*Plut.*, Ant. 58).

[258] Г. Копоний, претор 49 г. до н. э., в 48 г. до н. э. командующий флотом Помпея. Его зять П. Силий (Нерва) (см. II, 90,4; 101, 3; 116, 4).

[259] Аминта был военачальником и поверенным царя Галатии Дейотара (*Dio Cass.*, XLIX, 32), а после его смерти при поддержке Антония получил царскую власть.

[260] Кв. Деиллий (*Plut.*, Ant. 25; 59 — ошибочно Деллий) — сторонник Антония, описавший его парфянский поход (*Plut.*, Ant. 59; *Strabo*, XI, 13, 3).

[261] Гн. Домиций Агенобарб, см. II, 72, 3; 76,2.

[262] Битва при Акции 2 сентября 31 г. до н. э.; ср. *Dio Cass.*, L, 31 sqq.; LI, 1, 5; *Plut.*, Ant. 65; *Flor.*, II, 21; *Oros.*, VI, 19, 10. Описание Веллея, несмотря на краткость, содержит наиболее ясное описание диспозиции сил.

[263] М. Лурий до этого командовал войском в Сардинии (*Dio Cass.*, XXXXVIII, 30, 7).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

левый — Аррунтию [264], общее руководство морским боем — Агриппе. Цезарю предназначалось быть на том участке, куда призовет Фортуна, и он появлялся везде.

Командование флотом Антония было поручено Публиколе [265] и Соссию [266]. Что касается сухопутных войск, у Цезаря ими командовал Тавр [267], у Антония — Канидий [268]. (3) Когда началось сражение, на одной стороне было все: военачальник, гребцы, воины, на другой — никого, кроме воинов. Сначала обратилась в бегство Клеопатра. Антоний предпочел быть спутником бежавшей царицы, чем оставаться со сражавшимися воинами; и военачальник, долгом которого было карать беглецов, сам оказался беглецом из собственного войска. (4) Даже оставшись без главы, воины Антония надолго сохранили стойкость и способность сражаться,— отчаявшись в победе, они бились насмерть. Цезарь, пытаясь унять тех, кого мог уничтожить оружием, взывал и показывал: «Антоний бежал!» и спрашивал их: «За кого и против кого сражаетесь?» (4) И те, кто долго сражался в отсутствие военачальника, с болью сложили оружие и уступили победу; Цезарь обещал им жизнь и прощение прежде, чем они убедились в необходимости об этом умолять. Несомненно, что воины выполнили долг наилучшего военачальника, а военачальник уподобился самому трусливому воину. Кто усомнится — по своей ли воле Антоний стремился к победе или под влиянием Клеопатры, если он обратился в бегство по ее примеру. Так же поступило войско, находившееся на суше, когда Канидий стремительно бежал, чтобы соединиться с Антонием.

LXXXVI. Кто бы осмелился в столь ограниченном размерами сочинении изложить, каковы были последствия этого знаменитого дня для всего мира и какие изменения произошли в положении и судьбе государства! (2) Победа поистине была самой милосердной! Никто не был убит, если не считать очень немногих, да и тех, которые не соглашались на получение милости. По этой сдержанности военачальника можно заключить, какие [границы] имела бы его победа, будь то в начале триумвирата, будь то при Филиппах, если бы он мог воспользоваться ею сам. Что касается Соссия, то он был спасен преданностью Л. Аррунтия, человека прославленной древней надежности, а затем благодаря Цезарю, [с] великодушием которого он столь долго боролся.

(3) Нельзя обойти молчанием достопамятные действия и речения Азиния Поллиона. После мирного договора в Брундизии он остался в Италии, никогда не видел царицу и, с тех пор как Антоний был расслаблен любовью к ней, не имел никакого отношения к его партии. Цезарь попросил его отправиться вместе с ним на Актийскую войну. Он ему ответил: «Услуги, оказанные мною Антонию, слишком велики, а его благоволение ко мне слишком известно. Поэтому я уклонюсь от вашего спора и лучше буду добычей победителя».

LXXXVII. Год спустя, преследуя царицу и Антония вплоть до Александрии, Цезарь завершил там гражданские войны. Антоний без промедления покончил с собой и своей смертью искупил многочисленные обвинения в бездеятельности; что касается Клеопатры, то ей удалось обмануть стражей: принесли змею, от укуса которой, свободная от женского страха, она испустила дух. (2) Достойными Цезаря оказались его счастье и великодушие: никто из тех, кто выступал против него с оружием, не был убит ни им самим, ни по его приказу. Д. Брута погубила жестокость Антония [269], Секста Помпея, побежденного Цезарем, лишил жизни тот же Антоний, хотя дал гарантии сохранить ему жизнь и достоинство. (3) Брут и Кассий приняли добровольно смерть до того, как познали душу победителя. О том, каков был конец Антония и Клеопатры, мы рассказали. Канидий ушел более трусливо, чем подобало занятию, которому он

---

[264] Л. Аррунтий, см. II, 77, 3; 86, 2. Консул 22 г. до н. э., видимо, идентичен историку, написавшему в подражание Саллюстию сочинение о первой Пунической войне (*Sen.*, Epist. 144, 17).

[265] Л. Гелий Публикола, консул 36 г. до н. э. Ему, согласно Плутарху (Ant. 65), было поручено командовать правым флангом флота.

[266] Г. Соссий, «новый человек», родом из Пицена, легат Антония в Сирии и Киликии (38—34 гг. до н. э.), консул 32 г. до н. э.

[267] Г. Статилий Тавр, консул-суффект 37 г. до н. э., ординарный консул 26 г. до н. э., проконсул Македонии, Африки, префект Рима.

[268] П. Канидий Красс, первоначально легат Лепида в Галлии, затем приверженец Антония, консул-суффект 40 г. до н. э., казнен Октавианом; ср. *Oros.*, VI, 19.

[269] См. II, 64, 1.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

посвятил жизнь. Последним из убийц Цезаря был казнен Кассий Пармский, а Требоний пал [первым] [270].

LXXXVIII. Пока Цезарь завершал Актийскую и Александрийскую войны, М. Лепид (сын того Лепида, который был членом триумвирата по государственному устройству, и Юнии, сестры Брута), юноша скорее выдающейся внешности, чем ума, разрабатывал план убить Цезаря тотчас по его возвращении в Рим. (2) Охрана Рима [была] тогда поручена Меценату, человеку всаднического, но блестящего рода [271], недремлющему, когда дела требовали бодрствования, предусмотрительному и знающему толк в деле,— пока он был занят делом, поистине не могло быть никаких упущений, но, предаваясь праздности, он был изнеженнее женщины. Он был не менее дорог Цезарю, чем Агриппа, но менее отмечен почестями, потому что был почти что удовлетворен узкой каймой,— мог бы достичь не меньшего, но не стремился. (3) Притворяясь совершенно спокойным, он тайно выведал планы опрометчивого юноши и без какого-либо беспокойства для государства и для граждан подверг Лепида аресту и погасил новую и ужасную гражданскую войну, которую тот пытался разжечь. И тот, кто имел преступные намерения, понес наказание. Можно сравнить упомянутую выше супругу Антистия с женою Лепида Сервилией [272], проглотившей пылающие угли и преждевременной смертью оплатившей бессмертную память своего имени.

LXXXIX. Невозможно достойным образом передать даже в труде нормальных размеров, не говоря уже об этом, столь урезанном, [каким] было скопление народа, каким одобрением людей различного положения и возраста был встречен Цезарь, вернувшийся в Италию, а также в Рим, и сколь великолепны были его триумфы и зрелища! Нет ничего такого, что люди могли бы вымолить у богов, а боги могли бы предоставить людям, ничего из того, что можно было пожелать, и того, чтобы сопровождалось успехом, чего Август по возвращении в Рим не предоставил государству, римскому народу и всему миру. (3) По прошествии двадцати лет были завершены гражданские войны, похоронены внешние, восстановлен мир, повсеместно усыплен страх перед оружием, законам возвращена сила, судам — их авторитет, сенату — величие, магистратам — власть и старинный порядок полномочий (4) (только лишь к восьми преторам добавлены еще два). Была возвращена знаменитая старинная и древняя государственная форма и вернулись на поля земледелие, к святыням — почет, к людям — безопасность и каждому — надежное владение своею собственностью, с пользой исправлены законы, целесообразно добавлены новые, сенат составлен не с беспощадной строгостью, но и не без суровости. Туда по одобрению принцепса и на благо государству были введены выдающиеся люди, отмеченные триумфами и высшим почетом. (5) Только уступив упорным настояниям, Цезарь занимал должность консула одиннадцать раз подряд, но диктатуру, которую ему упрямо навязывал народ, он отвергал с таким же постоянством. (6) Войны, которые велись императором, покорили своими победами весь мир, и все его деяния, совершенные за пределами Италии и Рима, утомили бы писателя, который посвятил бы всю свою жизнь этому единственному труду, мы же, согласно нашему обещанию, даем образ его правления в общих чертах.

XC. После того, как уже говорилось, были окончательно погребены гражданские войны и начали срастаться члены государственного организма, которые столь долго раздирались бесконечным рядом вооруженных столкновений, он позаботился о внешних войнах [273]. Далмация, бывшая мятежной на протяжении двухсот двадцати [лет], была усмирена вплоть до признания ею нашего владычества. Были полностью приручe-

---

[270] primus — дополнение Альда Мануция.

[271] Меценат принадлежал по материнской линии к этрусскому роду Цильниев, представители которого обладали властью в Арреции (*Liv.*, X, 3, 2; *Tac.*, Ann. VI, 11). Август в шуточном письме к Меценату называет его «эбеновым деревом Медуллии, слоновой костью Этрурии, алмазом Севера, жемчугом Тибра, смарагдом Цильниев» (*Macr.*, Sat. II, 4, 12).

[272] Веллей — единственный, кто сообщает о самоубийстве Сервилии, дочери П. Сервилия Ватии Исаврика, консула 49 г. до н. э. (II, 53, 2). Такой же способ самоубийства выбрала Порция, жена Брута (*Val. Max.*, IV, 6, 5; *Plut.*, Brut. 53).

[273] Неясное место. В «А» и «Р» coram aliero. Издатели, начиная с Бергка, исправляли — et coalare. По нашему мнению, aliero должно быть заменено на alieno, что соответствует дальнейшему изложению внешних войн, а coram — существительным или глаголом с основой cur — «попечение, забота».

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ны Альпы, изобилующие дикими и жестокими народами. Испании были усмирены с большим колебанием военного счастья, сначала при непосредственном участии Цезаря, а затем Агриппой, которого дружба с принцепсом возвысила до третьего консульства, а вскоре до власти трибуна. (2) В эти провинции были посланы первые войска во главе с Гн. Сципионом, дядей Африкана, в консульство Сципиона и Семпрония Лонга, двести пятьдесят лет назад, в первый год второй Пунической [войны]. В течение двухсот лет здесь было пролито много крови с обеих сторон, римский народ терял войска вместе с военачальниками, так что результатом этих войн был позор, а иногда и грозная опасность нашему владычеству. (3) Именно эти провинции погубили Сципионов. Они же явились суровым испытанием нашим предкам во время позорной двадцатилетней войны под командованием Вириата; это они потрясли римский народ ужасом Нумантинской войны; именно там был заключен позорный договор Кв. Помпея и еще более позорный — Манцина, отмененный сенатом вместе с постыдной выдачей военачальника; они погубили столько консуляров, столько преториев, а во времена наших отцов призвали к оружию столь воинственного Сертория, что в течение пяти лет невозможно было решить, кто сильнее в военном деле, римляне или испанцы, и какой народ должен повиноваться другому. (4) И вот все эти провинции, столь разбросанные, столь многолюдные, столь дикие пятьдесят лет назад, Цезарь Август привел к такому миру, что они, никогда не избавленные от величайших войн, после этого при легатах Г. Антистии [274], а затем П. Силии [275] и их преемниках были избавлены даже от обычных разбойничьих нападений.

XCI. Пока усмирялся Запад, с Востока римские [знаки легионов, захваченные Ородом у поверженного Красса, а его сыном Фраатом у обращенного в бегство Антония [276], были возвращены Августу. Что касается этого имени, то предложение о его присвоении было выставлено Планком и придано этому человеку при единодушном согласии сената и римского народа. (2) Были и такие, кто ненавидел это счастливое состояние. Ибо Л. Мурена и Фанний Цепион [277], люди противоположного поведения — Мурена, не будь этого преступления, мог бы показаться порядочным человеком, Цепион же и до того был наихудшим из людей,— приняли решение убить Цезаря, но были уничтожены по воле народа и сами получили по закону то, чего хотели добиться силой. (3) Немного времени спустя подобный же преступный замысел возник у Руфа Эгнация [278]. Во всем более похожий на гладиатора, чем на сенатора, он во время эдилитета снискал благорасположение народа тем, что тушил возникавшие пожары с помощью своих рабов; ежедневно возвышаясь в мнении народа, и настолько, что он ему продлил претуру, Эгнаций даже осмелился домогаться консульства. Поскольку он был человеком, которого не могло остановить никакое преступление, никакой порок, а с его имущественным состоянием дело обстояло не лучше, чем с совестью, он, набрав себе подобных, решил убить Цезаря, чтобы, устранив его, умереть самому — ибо не мог здравствовать, пока здравствует он. (4) Таков уж характер этих людей: каждый предпочитает лучше быть погребенным под руинами государства, чем погибнуть самому, добиться известности, терпя то же, что и все, чем остаться незамеченным. В сокрытии своих планов он не был счастливее предшественников. Попав вместе с сообщниками своего преступления в тюрьму, он принял смерть, в полной мере достойную жизни.

XCII. Да не изгладятся из памяти славные дела выдающегося человека Г. Сентия Сатурнина, консула примерно того времени. Цезарь отсутствовал, чтобы устроить дела Азии и Востока, лично распространяя по всему миру благодеяния своего мира. Тогда Сентий, случайно, из-за отсутствия Цезаря оказавшийся консулом без коллеги, стал вести дела со старинной строгостью, наивысшим постоянством, по древнему обы-

---

[274] Г. Антистий Вет, легат с преторской властью в войне против салассиев (*App.*, Hisp. III, 17), в 25 г. до н. э. легат Крайней Испании в войне против кантабров.

[275] П. Силий Нерва, консул 20 г. до н. э., в качестве проконсула 19 г. до н. э. подавил восстание кантабров.

[276] Август в своем «Жизнеописании» говорит о возвращении знамен трех полководцев (RgDA, 29).

[277] О заговоре Фанния Цепиона и Л. Теренция Мурены см. *Suet.*, Tib. 8; *Dio Cass.*, LIV, 3.

[278] Об этом неудавшемся заговоре 23 г. до н. э. см. также *Suet.*, Tib. 8; *Dio Cass.*, LIV, 3.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

чаю и со строгостью консулов разоблачал обман публиканов, наказывал алчность, возвращал в эрарий государственное имущество и проявил качества выдающегося консула на комициях. (3) А именно, он запретил добиваться квестуры тем, кого счел недостойным, а тем, кто стал настаивать, пригрозил консульской карой, если они выйдут на Марсово поле. (4) Эгнацию, благодаря благоволению к нему народа надеющемуся стать консулом после претуры, как до того претором после эдилитета, Сентий запретил выставлять кандидатуру, а когда тот не пожелал с этим считаться, поклялся, что если он в ходе народного голосования станет консулом, то не будет им провозглашен. (5) Такие действия, по моему мнению, следует сравнить со славою старинных консулов, но мы, естественно, предпочитаем хвалить то, о чем слышали, чем то, что видели сами. К настоящему мы относимся с завистью, перед прошлым же преклоняемся, считая, что одно нас затмевает, а другое учит.

XCIII. Почти за три года до открытия преступления Эгнация, во время заговора Мурены и Цепиона, пятьдесят лет назад, совсем молодым скончался М. Марцелл [279], сын сестры Августа, после того как он отметил свой эдилитет роскошными играми. Люди думали так: случись что с Цезарем, он стал бы преемником его власти, но сомневались в том, что к этому может спокойно отнестись М. Агриппа. В самом деле, как говорят, он был юношей со врожденными добродетелями, с радостным настроением духа, с талантом, [достойным] участи, какая ему предназначалась. (2) После его кончины возвратился Агриппа (он отправился в Азию под видом государственных дел, но, как гласит молва, на время скрылся из-за тайной вражды с Марцеллом) и взял в жены дочь Цезаря] Юлию — она была до того замужем за Марцеллом,— женщину, не принесшую счастья ни ему, ни государству.

XCIV. В тот же промежуток времени, когда Тиб. Клавдию Нерону было три года, его мать, как мы сказали выше, развелась с Тиб. Нероном, в браке с которым она раньше была, и вышла замуж за Цезаря. Юноша, воспитанный и обученный божественными наставлениями, (2) наделенный знатным происхождением, красотой, осанкой, наилучшим образованием и высокой одаренностью, позволял надеяться, что будет таким и впредь, и имел облик принцепса. (3) На девятнадцатом году жизни он исполнял должность квестора [280] и взялся за государственные дела: по поручению отчима он урегулировал страшную дороговизну хлеба и недостаток продовольствия в Остии и в Риме, и тем, как он действовал, обнаружил, каким будет. (4) Некоторое время спустя отправленный тем же отчимом вместе с войском для проверки и устройства провинций, что на Востоке, он дал своим образом действий образец исключительной доблести. Вступив с легионами в Армению, он отдал ее во власть римского народа, его царство дал [Артавазду [281]... и даже парфянский царь, напуганный славой столь великого имени, отдал своих детей заложниками Цезарю.

XCV. Затем возвратился Нерон. Цезарь решил испытать его бременем отнюдь не легкой войны [282] и назначил ему помощником [283] в этом деле его собственного брата Друза Клавдия, которого Ливия родила уже среди пенатов Цезаря. (2) И вот они, разделив ответственность за операции [284], напали на ретов и винделиков. Проведя осаду

---

[279] М. Клавдий Марцелл, сын Г. Клавдия Марцелла, консула 50 г. до н. э. Эдилитет М. Марцелла в 23 г. до н. э. Скончавшийся в том же году, он был похоронен в мавзолее Августа; в память о нем была создана библиотека Октавии и воздвигнут театр Марцелла.

[280] Тиберий был избран квестором в 27 г. до н. э. (*Dio Cass.*, XLIII, 28). Не ясно, был ли он консульским квестором (quaestor consulis) или выполнял специальное поручение по обеспечению Рима продовольствием в Остии, куда морем поступал хлеб из провинций (quaestor Ostiensis).

[281] Испорченное место. Вудмен полагает, что в словах regnum eius Artavasdi(s) dedit перед Artavasdi(s) должны быть слова Tigranis filio, поскольку в других источниках (RgDA, 27; *Suet.*, Tib. 9, 1; *Tac.*, Ann. II, 3, 2) речь идет о передаче Тиграну, сыну Артавазда, его царства (*Woodmann.* Velleius Paterculus, p. 101).

[282] Война с ретами и винделиками 15 г. до н. э., завершившаяся покорением этих народов и созданием провинции Реции.

[283] Adiutor — официальная должность (см. *Tac.*, Ann. III, 12).

[284] В текстах «А» и «Р» — divisis partibus. И. Стангер (*Stanger I.* De Velleio fide, 1863) предложил читать diversis partibus. Но А. Вудмен (Velleius Paterculus, p. 102), опираясь на соответствующие места у Ливия (XXV, 30, 6; XXXVII, 21, 8), полагает, что divisis partibus — технический термин, означающий «разделить ответственность за операции».

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

многочисленных городов и крепостей, упорно сражаясь в открытом бою, они полностью укротили в потоках крови многолюдные, запишенные непроходимой местностью и жестокие до свирепости народы больше с опасностями, чем с потерями для римского войска. (3) Перед тем в раздорах прошло цензорство Павла и Планка [285], не принесшее ни почета им самим, ни пользы государству, ибо у первого не было цензорской энергии, а второго — жизни, достойной цензора. Павел с трудом мог выполнять обязанности цензора, а Планк должен был бояться цензуры: ведь не было обвинения, которое он мог бы выставить против молодых людей (или выслушать от обвинителей), какое он не мог бы применить к себе, старцу.

XCVI. Смерть Агриппы [286] (он многочисленными подвигами облагородил незнатность своего происхождения и добился того, что стал тестем Нерона [287]; детей Агриппы, своих внуков, божественный Август усыновил под именами Гая и Луция) приблизила к Цезарю Нерона: ведь дочь Цезаря Юлия, бывшая прежде женой Агриппы, вышла за Нерона. (2) Вслед за тем Нерон провел Паннонскую войну [288], не завершенную Агриппой, и, о консул [289], твоим дедом Марком Виницием,— великую, жестокую, опасную, угрожавшую из-за соседства Италии. Мы опишем в другом месте [290] паннонское население и племена далматов, расположение областей и рек, количество и диспозицию сил, а также множество побед, одержанных в этой войне великим военачальником. Этот труд сохранит свою форму. Нерон, причастный к этой победе [291], отметил ее овацией.

XCVII. Но в то время как в этой части империи все операции увенчались успехом, в Германии потерпел поражение М. Лоллий [292]. Этот человек, ставивший наживу выше правильного ведения дел, был порочен во всем, но наиболее из-за лицемерия. Итак, потеряв орла пятого легиона [293], он вызвал Цезаря из Рима в Галлию. (2) Затем забота о Германской войне, а также ее бремя были переданы брату Нерона Друзу Клавдию, юноше столь многочисленных, сколь великих добродетелей, какие люди могут получить от природы или достигнуть усердием. Трудно сказать, в чем больше он проявил свое дарование, в военном деле или в мирных занятиях, (3) но, определенно, очарование и прелесть его характера, а также его отношение к друзьям, которых он, как говорят, ценил наравне с собою, были неподражаемы. Красотою же он приближался к брату. И вот несправедливость судьбы похитила этого усмирителя большей части Германии, пролившего во многих местах много крови ее народов, во время его консульства, когда ему еще не было тридцати лет. (4) Тогда тяжесть этой войны была передана Нерону, и он распорядился ею в соответствии со своей доблестью и обычной удачей [294].

---

[285] Цензорство Павла Эмилия Лепида и Л. Мунация Планка (22 г. до н. э.) знаменовало возвращение к республиканской практике цензорской деятельности.

[286] Марк Випсаний Агриппа умер в 12 г. до н. э. (*Dio Cass.*, LIV. 28, 3).

[287] Он стал тестем Нерона, т. е. будущего императора Тиберия Нерона, поскольку последний первым браком женился на его дочери Випсании.

[288] Паннонская война 12—9 гг. до н. э., о которой Август писал в RgDA, подчеркивая заслуги Тиберия Нерона: «Племена паннонцев, к которым до моего принципата не доходило войско римского народа, побежденные Тиберием Нероном, моим пасынком и легатом, я подчинил власти римского народа и продвинул границы Иллирии вплоть до Дуная» (пер. Ю. К. Колосовской.— В кн.: *Колосовская Ю. К.* Паннония в I—III вв. н. э. М., 1973). Ср. *Dio Cass.*, LIV, 31, 2—3).

[289] В «А» — cos, в «Р» — coss. Поскольку в это время М. Виниций не был консулом (его консульство в 19 г. до н. э.) и никогда не был консулом совместно с Тиберием или Агриппой, предлагалось читать consulari (Критц) или consule. Мы принимаем последнюю эмендацию.

[290] Т. е. в не дошедшем до нас произведении; ср. II, 48, 5; 89, 1; 99, 3; 103, 4; 114, 4; 119, 1.

[291] Этим вводным предложением Веллей объясняет, почему Тиберию не был дан полный триумф.

[292] Подробнее о поражении М. Лоллия см. *Tac.*, Ann. I, 10, 4; *Suet.*, Aug. XXIII, 1; *Dio Cass.*, LIV, 20, 4.

[293] Присутствие в Германии пятого легиона удостоверено надписью (*Kaufmann F.* Deutsche Altertumskunde. München, 1913, S. 326).

[294] sua et virtute et fortuna. Обычно virtus и fortuna противопоставляются друг другу как возможность человека сделать все в борьбе с обстоятельствами и независящее от него стечение обстоятельств. Веллей понимает virtus и fortuna без какого-либо их противопоставления применительно к главам государства — кроме этого места (II, 74, 4; 121, 1).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Проникнув с победой во все области Германии, без какой-либо убыли для порученного ему войска,— что всегда было главной его заботой,— он окончательно усмирил Германию, почти доведя ее до состояния провинции, обложенной податью. Тогда ему были дарованы второй триумф и второе консульство.

XCVIII. Пока описанные нами события происходили в Паннонии, грозная война разразилась во Фракии. Все ее взявшиеся за оружие племена и народы были укрощены доблестью Л. Пизона [295], которого и ныне мы имеем усерднейшим и в то же время наиболее уравновешенным стражем безопасности Рима [296]. Как легат Цезаря он воевал три года с этими в высшей степени свирепыми племенами, нанеся им множество поражений то в регулярном бою, то во время приступа, и, возвратив их к прежнему мирному состоянию, вернул Азии безопасность, Македонии — мир [297]. (3) Об этом человеке мы должны узнать и понять следующее: в его характере были смешаны энергия и изнеженность, и едва ли можно найти другого, кто бы больше любил праздность и столь легко переходил к деятельности [298], кто бы больше, чем он, заботился о делах, не делая при этом ничего напоказ.

XCIX. В скором времени Тиберий Нерон благодаря двум консулатам, стольким же проведенным триумфам и совместной трибунской власти сравнялся с Августом, стал самым выдающимся из граждан, кроме одного (и то, потому что так хотел), величайшим военачальником, знаменитейшим в славе и удаче, воистину, вторым светочем и главою государства. (2) Когда Гай Цезарь надел мужскую тогу, а Луций уже до нее созрел [299], он в силу некой удивительной, невероятной, непередаваемой почтительности, причины коей едва ли были поняты, попросил у тестя и отчима отдыха от непрерывных трудов,— на самом деле он скрыл причину своего намерения: своим собственным блистательным положением не препятствовать возвышению юношей в самом начале их пути. (3) Каково в это время было состояние государства, каковы слезы лишавшихся такого человека, и как отчизна его едва не удержала — мы проследим в надлежащем труде. (4) В этом же, беглом, должно быть сказано следующее: семь лет он провел на Родосе так, что все, кого посылали проконсулами в заморские провинции, [заезжали на Родос], чтобы узреть его благосклонность и съезжались [300] к нему, как к частному лицу (если только его величие могло быть когда-либо частным), склоняли перед ним свои фасцы и утверждали, что его непричастность к делам почетнее их командования.

C. Весь мир ощутил устранение Нерона от охраны Рима. Ведь и парфянин, отложившийся от союза с Римом, протянул руку Армении, и Германия, скрывшись от глаз своего усмирителя, опять восстала. (2) В Риме в тот самый год, когда божественный Август при посвящении храма Марсу [301] ослепил воображение и зрение римского народа великолепными гладиаторскими играми и навмахиями (тридцать лет назад [302], в консульство Цезаря и Канинии Галла), в его собственном доме разразилось бедствие, о котором стыдно рассказывать и ужасно вспоминать. (3) Ведь дочь его Юлия, всецело [303] пренебрегшая таким отцом и мужем, не упустила ничего из того, что может совершить или с позором претерпеть женщина, и из-за разнузданности и распутства стала величие своего положения измерять возможностью совершать проступки, считая разрешенным все что угодно. (4) Тогда Антоний Юл,— исключительный пример великодушия Цезаря и осквернитель его дома (ведь когда отец Юла потерпел поражение, Це-

---

[295] Л. Кальпурний Пизон, консул 15 г. до н. э. О его войне с фракийцами см. также *Dio Cass.*, LIV, 34; *Sen.*, Ep. 83, 14.

[296] Использованная Веллеем фразеология позволяет думать, что Л. Корнелий Пизон в 30 г. был префектом претория.

[297] Л. Кальпурний Пизон, наместник Памфилии, выступил против фракийцев, поскольку их восстание угрожало Азии.

[298] Противопоставление virtus и fortuna, на котором построены также характеристики Мецената (II, 88, 2) и Сентия Сатурнина (II, 105, 2).

[299] В «А» и «Р» — Lucius item maturus esset viris. Эмендация Эллиса — viribus. Нами вслед за А. Вудменом (Velleius Paterculus, p. 118) принята эмендация Уитхофа — Lucius item maturus esset virilis.

[300] Сложное для понимания место — в «А», «Р» — visendi eius gratia ad quem convenientes. Нами принята эмендация Халма: visendi eius gratia [Rhodum deverterint] atque eum convenientes.

[301] Ср. RgDA, 21, 1.

[302] На самом деле за 31 год до консульства М. Виниция.

[303] per omnia — любимое выражение Веллея.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

зарь не только даровал Юлу неприкосновенность, но и почтил жреческой должностью претурой, консулатом, провинциями и вследствие женитьбы на дочери своей сестры принял в число близких родственников), сам выступил отмстителем за собственное преступление [304]. Квинций Криспин, пытавшийся скрыть свою испорченность под личиной суровой надменности, Аппий Клавдий, Семпроний Гракх, Сципион и другие лица из обоих сословий с менее известными именами понесли наказание как бы за осквернение чьей-либо супруги, хотя они осквернили дочь Цезаря и супругу Нерона. Юлия была сослана на остров, уведена от глаз отечества и родителей, однако ее сопровождала мать Скрибония, оставаясь ее добровольной спутницей в изгнании.

CI. По прошествии незначительного промежутка времени Г. Цезарь, посетивший [305] сначала другие провинции и затем посланный в Сирию (сперва он встретился с Нероном, которому оказал наивысшее почтение как старшему), вел себя там по-разному, так что не было недостатка в поводах как для великого восхваления, так и для незначительного порицания. На острове, расположенном посредине реки Евфрат, он встретился с царем парфян, юношей выдающегося положения, в сопровождении равной по числу свиты. (2) Это во всех отношениях удивительное и достопамятное зрелище встречи двух выдающихся лиц и глав империй в присутствии римского войска на одном берегу и парфянского — на другом мне пришлось наблюдать в начале военной службы, когда я был военным трибуном. (3) Эту воинскую должность, М. Виниций, я получил еще раньше, при твоем отце и П. Силии, во Фракии и Македонии; затем я видел Ахайю, Азию и все восточные провинции, а также вход в Понт и оба его берега. Как приятно насладиться воспоминанием о стольких событиях, местах, народах и городах! Парфянин первым пировал на нашем берегу у Гая, а потом, в свою очередь, Гай пировал у царя на вражеском берегу.

CII. В это время распространился слух, будто парфянин донес Г. Цезарю на вероломные, полные хитрости и коварства планы М. Лоллия [306] (Августу было угодно иметь его наставником юности своего сына). Я не знаю, была ли его смерть, последовавшая несколькими днями спустя, случайной или добровольной. Но насколько радовались люди его исчезновению, настолько тяжело граждане перенесли происшедшую чуть позже и в тех же провинциях кончину Цензорина [307], человека, рожденного на благо людей.

(2) [Гай] затем проник в Армению, и первая часть [его кампании] была отмечена успехом. Но вскоре он во время встречи близ Артагеры, на которую опрометчиво согласился, был тяжело ранен неким Аддуем, после чего тело его начало становиться менее пригодным, а дух менее полезным для служения государству. (3) В его окружении не было недостатка в тех, кто угодливостью питал его пороки (ведь лесть — непременная спутница выдающейся судьбы). В результате он был доведен до того, что предпочел состариться в отдаленнейшей из провинций, чем вернуться в Рим. После долгих колебаний и вопреки собственному желанию, возвращаясь в Италию, он умер от болезни в одном из городов Ликии (его называют Лимирой) [308], почти год спустя после того как брат его Луций Цезарь скончался по пути в Испанию в Массилии.

CIII. Похитив надежду на великое имя, фортуна в тот же момент возвратила государству свою поддержку, поскольку еще до смерти этих двух молодых людей, в

---

[304] Второй сын М. Антония от Фульвии, претор 13 г. до н. э., консул 10 г. до н. э. С 21 г. до н. э. муж племянницы Августа Марцеллы. О жреческой должности Антония Юла другие авторы не знают. Карьера сына врага подается как пример «великодушия» Августа. Clementia — одна из четырех «доблестей» принцепса — RgDA, 34, 2.

[305] В «P» — adsedandum, «MA» — ad sidendum. Липсий предложил ad visendum, и эту поправку принял Штегман. Мы вслед за Вудменом читаем adsidendum, поскольку поездка Г. Цезаря носила инспекционный характер.

[306] Марк Лоллий, консул 27 г. до н. э.; см. выше II, 97, 1. До 1 г. до н. э., согласно Тациту, был comes et rector Гая Цезаря (*Tac.*, Ann. III, 48, 2).

[307] Г. Марций Цензорин, консул 8 г. до н. э., проконсул Азии 2/3 гг. н. э. Ср. *Ios. Flav.*, Ant. Iud. XVI, 165; Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes, IX, 427; Supplementum Epigraphicum, II, 549.

[308] Смерть Г. Цезаря 21 февраля 4 г. н. э. (CIL, I², p. 68), согласно Тациту, последовала в результате интриг Ливии (Ann. I, 3, 3).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

консульство твоего отца, П. Виниция [309], с Родоса вернулся Тиберий Нерон, доставив своему отечеству неимоверную радость. (2) Недолго колебался Цезарь Август; ведь ему не пришлось искать того, кого следует выбрать, а следовало выбрать того, кто выделялся. (3) Итак, на том, что он хотел сделать после смерти Луция и еще при жизни Гая, натолкнувшись на решительное сопротивление Нерона, он настоял после смерти юношей: сделал Нерона участником своей власти народного трибуна, хотя тот много раз отказывался от этого как частным образом, так и в сенате, а в консульство Элия Ката и [Г.] Сентия, за шесть дней до июльских календ 754 года от основания Рима, двадцать семь лет назад, его усыновил. (4) Едва ли даже в надлежащем сочинении мы сможем показать радость того дня, стечение граждан, молитвы тех, кто простирал руки почти до самого неба, надежды, которые они обрели на постоянную безопасность и вечность римской империи! Не пытаясь это сделать здесь, мы уже [довольны] тем, что сказали лишь одно: каким [желанным] этот день был для всех. (5) Тогда у родителей заблистала верная надежда на детей, у мужчин — на брак, у собственников — на имущество, у всех людей на благоденствие, спокойствие, мир, безмятежность; так что даже невозможно было ни надеяться на большее, ни надеждам проявиться счастливее.

CIV. В тот же день был усыновлен также и М. Агриппа, которого Юлия родила после смерти Агриппы, но при усыновлении Нерона вот что было добавлено самим Цезарем: «Я,— сказал он,— делаю это ради блага государства» [310]. (2) Отечество не задержало надолго в Риме защитника и стража своей империи, но немедленно направило его в Германию, где за три года до того вспыхнула грандиозная война при участии замечательного человека, М. Виниция, твоего деда. За то, что в одних местах она им велась, а в других успешно поддерживалась, ему были присуждены триумфаторские знаки отличия с блистательным описанием его деяний (3). В это время, поскольку ранее исполнял обязанности трибуна, я служил в армии Тиберия Цезаря. Сразу же после усыновления последнего я был послан вместе с ним в Германию в качестве префекта конницы, унаследовав должность своего отца. На протяжении девяти лет как префект или легат я был очевидцем божественных дел Тиберия и — в меру своей посредственности — принимал в них участие. Мне кажется, что на долю смертного никогда не выпадало зрелища, каким я наслаждался, когда все, видя своего прежнего военачальника, следовавшего через многолюднейшие части Италии и на всем протяжении провинций Галлий, поздравляли его, ставшего Цезарем благодаря своим заслугам и способностям еще до того, как он получил это имя, и еще больше, чем его, каждый поздравлял самого себя. (4) Право, нельзя выразить словами и едва ли можно поверить, что при виде его у воинов текли слезы радости, какими были ликование первого приветствия и страстность, с которой они стремились прикоснуться к его руке, восклицая: «Тебя ли мы видим, император?», «Тебя ли встретили, невредимого?», затем: «Я был с тобою, император, в Армении!», «Ты меня наградил в Реции», «Меня — в Виндилиции!», «Меня — в Паннонии!», «Меня — в Германии!».

CV. Он тотчас вступил в Германию, покорил каннинефатов, аттуаров, бруктеров, принял под свою власть херусков — племя, наиболее прославившееся нашим поражением,— перешел Визургий, проникнув в более отдаленные места. Взяв себе все наиболее трудные и опаснейшие операции, во главе того, что было менее важным, Цезарь поставил Сентия Сатурнина, который еще раньше был легатом его отца в Германии. (2) Это был человек разнообразных достоинств, ревностный, деятельный, осмотрительный и в равной мере стойкий и опытный в военных обязанностях. Но если у него обязанности оставляли место досугу, он использовал его с чрезмерным обилием и великолепием, но так, что его можно было назвать скорее блистательным и бесшабашным, чем расточительным и праздным. Выше мы уже сказали о замечательном даровании и знаменитом консульстве этого человека. (3) Летняя кампания этого года, продлившаяся до декабря месяца, завершилась великим благом победы. Несмотря на то,

---

[309] П. Виниций, претор с проконсульской властью I г. до н. э.; консул 2 г. н. э., проконсул Азии в 8—9 гг., считался блестящим оратором (*Sen. Rh.*, Contr. VII, 5, 11; *Sen.*, Ep. XL, 9).

[310] rei publicae causa; также *Suet.*, Tib. 21, 5. Но Тацит истолковывает эти слова таким образом, что Август усыновил Тиберия не потому, что тот был ему дорог, а заботясь о государстве (*Tac.*, Ann. I, 10, 7).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

что зимние Альпы едва проходимы, сыновнее благочестие привело Цезаря в Рим, но [забота] о защите империи в начале весны вновь вернула его в Германию; в середине ее территории, у истоков реки Лупии, отъезжая, принцепс разместил зимние лагеря.

CVI. Ради благих богов! Достойными какого труда оказались операции, какие мы осуществили за лето под командованием Тиберия Цезаря! Нашими войсками пересечена вся Германия; побеждены народы, неизвестные даже по именам; присоединены племена хавков; вся их бесчисленная молодежь с могучими телами, защищенная положением местности, сдав оружие, во главе со своими вождями склонилась перед трибуналом императора. (2) Разбиты лангобарды, народ даже более дикий, чем сама германская дикость. И, наконец, на что прежде не могли и надеяться, тем более пытаться осуществить: римское войско проведено со знаменами на расстояние в четыреста миль от Рена до реки Альбис, которая разделяет земли семнонов и гермундуров. (3) И в этом же месте благодаря удивительному счастью и заботе нашего военачальника, благодаря удачному выбору времени, с Цезарем и его армией соединился флот, оплывавший залив Океана со стороны неведомого и ранее неизвестного моря [311], и, победив многочисленные народы, с огромной добычей вошел в ту же реку Альбис.

CVII. Я не могу удержаться, чтобы к рассказу о великих деяниях не добавить этот эпизод, каким бы малозначительным он бы ни был. Когда мы поставили лагерь по одну сторону реки, о которой я упомянул, а противоположная сверкала оружием вражеских воинов, обратившихся в бегство при одном движении наших кораблей и от страха, который они вызвали, один из варваров, человек в возрасте, рослый и, как показывало его одеяние, выдающегося достоинства, поплыл на челне из полого дерева, что было обычным средством плавания этих людей. В одиночку правя этой лодочкой, он достиг середины реки, где попросил, чтобы ему было разрешено выйти на берег, удерживаемый силой нашего оружия, чтобы увидеть Цезаря. Ему была дана такая возможность. (2) Тогда, пригнав лодку и в долгом молчании созерцая Цезаря, он сказал: «Наша молодежь безумна, когда она чтит божество в вашем отсутствии [312], а теперь, когда вы здесь, предпочитает страшиться вашего оружия вместо того, чтобы отдаться под вашу власть. Я же по твоему милостивому позволению, о Цезарь, сейчас вижу богов, о которых ранее слышал, и во всей своей жизни я не желал и не имел более счастливого дня». Добившись разрешения прикоснуться к руке, он, постоянно оглядываясь на Цезаря, добрался до своего берега. (3) Победитель всех народов и стран, в какие бы ни приходил, Цезарь с войском, не понесшим потерь (только один раз враги коварно напали на него и понесли тяжкое поражение), отвел легионы в зимние лагеря и устремился в Рим с той же поспешностью, что и в прошлом году.

CVIII. В Германии не осталось кого и побеждать, кроме народа маркоманнов. Исторгнутые из своих мест, они под предводительством Маробода устремились во внутренние земли, поселившись на равнине, окруженной Герцинским лесом. (2) Даже при крайней поспешности нельзя обойтись без упоминания этого человека. Маробод, муж знатного происхождения, могучего телосложения и отважного духа, варвар скорее по племени, чем по уму[313]. Захватив постоянное первенство, не насильственное, не случайное и зависящее от прихоти подданных, но истинное владычество и царское могущество, он решил увести свой народ подальше от римлян и разместить его там, где, скрывшись от более сильного оружия, он смог бы сделать более могущественным свое собственное. Итак, захватив места, о коих была речь выше, он покорил сопредельные народы либо силой оружия, либо подчинил их договорами.

CIX. Совокупность сил по охране своей державы он довел постоянными упражнениями до состояния почти римской дисциплины, и вскоре она достигла выдающейся,

[311] Это место, близкое к RgDA, 26, 1, свидетельствует о знакомстве Веллея с этим памятником; см. *Helleguarc'h J., Jodry C.* Les Res Gestae d'Auguste et l'Historia Romana de Velleius Paterculus.— Latomus, XXXIX, 1980, p. 810. Обычное обвинение Веллея в том, что он умолчал о предшествующем выходе в Северное море Друза, чтобы возвысить Тиберия, ошибочно. Флот Тиберия не просто вышел в «залив Океана», но оплыл его, оказавшись в местах действительно неведомых.

[312] Почитание германцами божества в отсутствие римлян должно быть поставлено в связь с сообщением Диона Кассия о том, что Домиций Агенобарб еще до появления на берегу Альбиса Тиберия воздвиг там алтарь Августа (*Dio Cass.*, LV, 10 a, 2).

[313] Согласно Страбону (VII, 1, 3), Маробод в юности находился в Риме, пользуясь благорасположением Августа. Очевидно, имея это в виду, Веллей говорит о нем: natione magis quam ratione barbarus.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

угрожающей нашей империи высоты. По отношению к римлянам он вел себя так: не вынуждал нас к войне, но показывал, что если его к ней принудят, то у него не будет недостатка ни в силе, ни в воле к сопротивлению. (2) Послы, которых он посылал к Цезарям, порой выставляли его просителем, порой вели переговоры как равные; племенам и отдельным людям, от нас отделившимся, он предоставлял убежище; вообще он действовал как соперник, плохо это скрывая; и войско, которое он довел до семидесяти тысяч пехотинцев и четырех тысяч всадников, он подготовил в непрерывных войнах с соседними народами к более значительной деятельности, чем та, которую он осуществлял: (3) ведь опасным его делало то, что он имел Германию слева и спереди, справа — Паннонию, Норик позади своих владений, постоянно угрожая им своими нападениями. (4) Так же и Италия не могла чувствовать себя в безопасности из-за увеличения его сил, поскольку от высочайших горных цепей Альп, обозначающих границу Италии, до начала его пределов не более двухсот миль. (5) На этого человека и на это царство Тиб. Цезарь решил в ближайшем году повести наступление. Поручив Сентию Сатурнину, чтобы тот повел легионы [314] через каттов, вырубая расположенные там Герцинские леса, в Бойегемум (таково название области, в которой обитал Маробод), а сам повел войско, находившееся на службе в Иллирике, от Карнунта, ближайшего пункта в царстве нориков с этой стороны, на маркоманнов.

CX. Судьба ломает, а иногда замедляет людские намерения. Цезарь уже подготовил зимние лагеря у Данубия, подвел войска и находился не более чем в пяти дневных переходах от вражеских постов, (2) и легионы, которые предстояло повести Сатурнину [315], были удалены от врага почти равным расстоянием и через несколько дней должны были соединиться с Цезарем в указанном месте, как вдруг взялась за оружие вся непривычная к благам мира, окрепшая Паннония, а также Далмация, по всей территории которой племена были втянуты в заговор [316]. (3) Тогда пришлось предпочесть славе необходимость: казалось небезопасным направиться с войском во внутрь страны и оставить Италию беззащитной перед лицом столь близкого врага. Общая численность племен и народов, которые восстали, превышала восемьсот тысяч. Они выставили почти двести тысяч пехотинцев, годных к несению оружия, и девять тысяч всадников — (4) огромная масса, покорная свирепейшим и опытнейшим вождям. Часть их решила напасть на Италию, с которой они граничили у Наупорта и Тергесте; часть хлынула в Македонию, часть была предназначена защищать свои земли. Верховное командование было в руках двух Батонов [317] и Пиннета. (5) Все паннонцы знали не только дисциплину, но и язык римлян; многие даже были грамотны и знакомы с литературой. Итак, клянусь Геркулесом, ни один народ не был столь зрелым в подготовке военных планов и самой войны и в приведение их в исполнение. (6) Римские граждане были уничтожены, торговцы перебиты, в области, наиболее отдаленной от полководца, было истреблено большое количество вексиллариев, военными силами занята Македония; все и повсюду было опустошено огнем и мечом. Мало того, вызванный этой войной страх был настолько велик, что поколебался и ужаснулся даже стойкий, укрепленный опытом стольких войн дух Цезаря Августа.

CXI. Ввиду этого был произведен набор войска, а также повсюду и полностью призваны все ветераны. Мужчины и женщины в соответствии с имущественным цензом должны были выставить в качестве воинов вольноотпущенников [318]. В сенате прозвучал голос принцепса: «Через десять дней, если не быть настороже, враг может оказаться в поле зрения города». Услуги сенаторов и римских всадников потребовались для

---

[314] После legiones лакуна. Липсий предложил duceret; мы следуем за ним.

[315] После Saturninum лакуна. Следуем чтению, которое предложил Липсий: aberat et legiones etiam quas amovere ei placuerat.

[316] До 9 г. до н. э. вся территория от Среднего Дуная до Македонии была известна римлянам под названием Иллирик. После 9 г. до н. э. Иллирик был разделен на две провинции — Верхний и Нижний Иллирик, которые также назывались Далмация и Паннония. Согласно Диону Кассию (LV, 29, 1—2), за оружие сначала взялись далматы, а не паннонцы.

[317] Один Батон происходил из паннонского племени бревков, другой — из далматского племени десидиатов.

[318] Редкая, применявшаяся в крайних случаях мера (ср. *Suet.*, Aug. 25; *Dio Cass.*, LV, 31, 1).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

войны — они это обещали без колебания [319]. (2) Все это готовилось бы напрасно, если бы не было того, кто бы это направлял. Поэтому государство потребовало от Августа послать под защитой воинов [320] Тиберия. (3) Во время этой войны моя скромная персона получила блестящую должность. По окончании службы в коннице, я стал квестором десигнатом и, еще не будучи сенатором, поставлен наравне с сенаторами и даже с народными трибунами десигнатами. Я повел часть войска, доверенного мне Августом, из Рима к его сыну. (4) Далее, во время квестуры я отказался от провинции и был направлен легатом Августа к самому Тиберию. Какие вражеские войска мы увидели в первый год! Как целесообразно благодаря предвидению военачальника мы избегали совокупности их неистовых сил и одолевали [321] их по частям! Мы видели, как соразмерно и в то же время с высшей пользой для авторитета полководца ведутся операции, как расчетливо были расположены зимние лагеря, как надежно заперто караулами войско нашего врага! Они нигде не давали ему прорваться, и он, лишенный подкрепления... [322], терял силы, исходя яростью на самого себя.

CXII. Достойны упоминания счастливая своим исходом, смелая по замыслу первая летняя кампания Мессалина[323]. (2) Этот человек, даже более славный и достойный умом, чем происхождением (ибо отцом он имел Корвина, а свой когномен оставил брату Котте), был поставлен над Иллириком, когда внезапно разразился мятеж. Он с двенадцатым легионом половинного состава, будучи окружен неприятельским войском, рассеял и обратил в бегство более двадцати тысяч врагов, за что был почтен знаками отличия триумфатора. (3) Варвары, как бы ни радовались своему численному превосходству, как бы ни была велика их уверенность в своих силах, не могли положиться на себя там, где находился Цезарь. Часть их войска, непосредственно противостоящая нашему военачальнику, в соответствии с нашими планами и к нашей выгоде была ослаблена и доведена до гибельного голода, не осмелилась ответить на наш приступ и отказалась принять битву, которую ей предложили наши воины, ставшие в строй, а захватила Клавдиеву гору [324] и укрепилась на ней. Что касается той части, которая двинулась навстречу войску, приведенному консулярами А. Цециной и Сильваном Плавцием из заморских провинций, то она окружила пять наших легионов вместе со вспомогательными отрядами и царской конницей (ведь царь Фракии Реметалк, соединившись с вышеназванными военачальниками, привел для подкрепления этой войны большой отряд фракийцев) и нанесла всем едва ли не полное поражение. (5) Рассеян строй парских всадников, обращены в бегство конные подразделения, вспять обратились когорты, охвачены трепетом находившиеся у знамен легионов. Но в это время доблесть римского воина завоевала себе больше славы, чем оставила на долю военачальников: разительно отличаясь своими обычаями от главнокомандующего, они ринулись на врага прежде, чем узнали от разведчиков, где он. (6) Итак, хотя легионы находились в трудных обстоятельствах — сражены врагом некоторые военные трибуны, погибли префекты лагерей и предводители когорт, залиты кровью центурионы и даже погибли люди высокого положения [325],— они, не довольствуясь тем, что задержали врагов, обратились на них, сломали их строй и добыли в бою победу, в которой уже отчаялись. (7) Почти одновременно Агриппа, усыновленный родным дедом в один

---

[319] Издатели полагают, что между operae и policitati пропущено слово omnia, или, как впервые — Рункен, заменяют policitati на ex pollicitatione «согласно обещанию».

[320] ut praesidium militum — испорченное место. Дословный перевод «как защиту воинов» вряд ли возможен, ибо в защите нуждались не воины, а государство. Некоторые издатели заменяли militum на limitum (в смысле «крайнюю защиту»).

[321] Принимаем чтение Вудмена: evasimus, exhausimus.

[322] Лакуна. Следуем чтению Краузе: summae.

[323] М. Валерий Мессала Мессалин, консул 3 г. до н. э., наместник провинции Иллирик в 6 г. н. э., один из друзей Овидия (Epist. ex Ponto, I, 7, 22). Его отец — М. Валерий Мессала Корвин, а брат — М. Аврелий Котта Максим Мессалин. Подробнее о кампании Мессалина: *Dio Cass.*, LV, 29, 1; 30, 1—2, но из рассказа Диона Кассия следует, что во время восстания Мессалин находился не в своей провинции, а был прислан Августом.

[324] Трудно сказать, идентична ли эта гора с горой Альмой, о которой сообщает Дион Кассий в связи с этой операцией (V, 30, 2).

[325] Фраза e quibus etiam primi ordines cecidere явно относится не к центурионам — они никогда не стояли рядами.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

день с Тиберием, начал показывать (так же как и два года назад) [326], каков он есть: из-за редкой порочности ума и духа он своими действиями против приемного отца, то есть деда, отвратил его от себя, и вскоре пороки, возраставшие день ото дня, обеспечили ему конец, достойный его безумия.

CXIII. Узнай теперь, М. Виниций, что Тиберий был столь же великим вождем на войне, каким ты его видишь принцепсом в мирное время. Соединились войска — и те, которые были при Цезаре, и те, которые пришли к нему,— в один лагерь было стянуто десять легионов, более семидесяти когорт, четырнадцать... и более десяти тысяч ветеранов, к тому же большое число добровольцев, множество царских всадников, так что все войско приняло такие размеры, каких оно не имело нигде и никогда после гражданских войн. Все испытывали радость, связывая с численностью надежду на победу. (2) Но император, будучи верен поведению, которому, как я видел он следовал во время любой войны, лучший судья своих дел, предпочел действенное блеску, сделал то, что достойно одобрения, а не то, что в любых обстоятельствах одобряется. Он обождал несколько дней, чтобы прибывшее войско восстановило силы, ослабленные дорогой, и решил его распустить, поняв, что оно слишком велико и поэтому трудно управляемо. (3) Он сам сопровождал его в очень долгом и утомительном переходе (о трудностях которого едва ли можно рассказать), чтобы кто-либо не посмел напасть на наше войско и чтобы враги, опасаясь за свои владения, не могли бы напасть на отдельные части отходящих. Он отпустил их туда, откуда они пришли, а сам в начале очень трудной зимы вернулся в Сисцию и разместил свои войска в разных зимних лагерях, поручив их легатам, среди которых были и мы.

---

[326] Веллей выделяет этой фразой первое изгнание Агриппы в Суррент, предшествующее его второму изгнанию на остров Планасию, где он был убит по приказу Тиберия.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ